

К вопросу о государственном аппарате и системе власти в северном Вьетнаме в XV–XVIII вв. (статья опубликована в сборнике «Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти». М., 1993, с.362–380).

История Вьетнама в XV–XVIII вв. в отличие от более ранних периодов относительно подробно отражена в целом ряде письменных источников, многие из которых были созданы либо очевидцами событий, либо «по горячим следам». Помимо подробных официальных династийных летописей, посвященных описанию этого времени, существует ряд «частных» летописей, жизнеописаний, сборников государственных законодательных актов и общинных кодексов, отражающих обычное право, семейных хроник, географий, а также обобщающих работ, не говоря уже о массе литературных произведений, часть из которых содержит важные исторические данные. Источники на бумаге дополняются большим количеством эпиграфических памятников, по числу и разнообразию которых Вьетнам превосходит любую другую страну Юго-Восточной Азии. Несмотря на подробность и относительную надежность, абсолютное большинство перечисленных документов страдает одним и тем же недостатком — односторонностью в освещении событий. Они были написаны наиболее образованной и склонной к литературному творчеству частью вьетнамского общества того периода — гражданскими чиновниками или выходцами из близких к ним неоконфуцианских кругов, которые придерживались единых идеологических принципов и смотрели на историю с одних и тех же позиций. В результате в их произведениях в основном отражены те стороны жизни общества, которые представлялись им наиболее важными и интересными, в то время как другие факты и события, в том числе оказавшие на ход истории решающее влияние, изложены весьма скупо или опущены. В первую очередь это касается информации о положении находящихся в относительной оппозиции к гражданским чиновникам военных кругов, деятельности которых в большинстве имеющихся источников уделено внимания непропорционально мало по сравнению с их реальным весом в обществе и ролью в историческом процессе. Указанное обстоятельство отразилось и на историографии (как зарубежной, так и отечественной). Во многих работах, посвященных этому периоду, по нашему мнению, преувеличивается роль гражданской администрации страны, значение принимаемых ею конкретных действий и мер, и, как следствие, не всегда точно прослеживаются причинно-следственные связи ряда исторических процессов и событий, в том числе имеющих ключевое значение. Изучение некоторых новых, не привлекавшихся ранее источников, касающихся военных, в частности, семейной хроники одного из могущественных генеральских родов XVI в. — рода Нгуен Кань из уезда Хьонгшон (Нгеан)¹ и жизнеописания знаменитого военачальника XVII века Динь Ван Та², а также данные, полученные в ходе статистического анализа вьетнамской эпиграфики XV–XVIII вв.,³ заставили автора несколько по-иному взглянуть на некоторые факты истории Вьетнама, что и послужило одним из основных мотивов написания этой статьи.

* *
*

В начале XV века Дайвьет⁴, который уже в течение длительного времени представлял собой самобытное суверенное государство, в очередной раз был завоеван Китаем (династия Мин). В результате эта страна на два десятилетия (1407–1427) вновь была превращена в китайскую провинцию. Несмотря на непродолжительность в

историческом плане господства Минов в Дайвьете, оно нанесло серьезный ущерб существовавшему здесь административному и военному аппарату. Большинство представителей военной элиты подверглось физическому уничтожению. Те же, кто перешел на сторону оккупантов, а также гражданские чиновники, согласившиеся сотрудничать с Минами, в большинстве своем были отправлены во внутренние территории Китая «для продолжения службы» и далеко не все из них смогли вернуться на родину. Заменявшие их китайцы проводили бескомпромиссную политику, направленную на подавление национальной самобытности, на ассимиляцию местного населения, что не могло не вызвать ненависти и активного сопротивления. Его центром стали достаточно отдаленные от столицы, но относительно богатые земли провинции Тханьхоа. Восстание возглавили представители местной знати, которые и до китайского завоевания зачастую на неформальной (не признаваемой государством), но реальной основе осуществляли контроль не только над своими общинами, но и целыми уездами, находящимися от них в экономической и иной зависимости. Они нередко набирали собственные дружины, размеры которых зависели от их авторитета и материальных возможностей. Центром притяжения всех недовольных и признанным лидером восставших стал наиболее последовательный и непримиримый из тханьхоасской знати будущий основатель династии Поздних Ле (1427–1788) Ле Лой (Ле Тхай-то, 1428–1433)⁵. По мере того, как восстание ширилось и набирало силу, а власть оккупантов слабела, к сторонникам Ле Лоя присоединялись некоторые уцелевшие чиновники (прежде всего гражданские) предыдущих вьетнамских династий (Чан и Хо), однако вплоть до изгнания Минов в 1427 г., да и позднее, повстанческая армия по сути представляла собой достаточно аморфный союз отдельных отрядов, не имевший четкой внутренней структуры, дисциплинированность и боеспособность которого определялись в основном общей объединяющей идеей и высоким личным авторитетом лидера. После победы Ле Лой щедро награждал своих сторонников и земель, и привилегиями, и должностями, и титулами. Несколько десятков из них были официально объявлены членами императорской семьи, что раскрывало перед ними самые широкие перспективы в плане не только получения новых пожалований, но и официальной передачи их по наследству.

Центральная власть прекрасно понимала слабость своих позиций, предполагавших абсолютную верность относительно самостоятельных военно-феодалов родов, для поддержания которой требовались регулярные раздачи новых должностей, титулов, привилегий, крупных вознаграждений. Единственным способом существования династии в этих условиях, особенно после смерти в 1433 г. Ле Лоя и перехода власти к менее авторитетным императорам, стало лавирование между отдельными высокопоставленными военными, сталкивание их интересов, подавление одних за счет опоры на других, что, собственно говоря, во многом и составляло внутривластную историю второй четверти XV в. Выход из сложившейся ситуации властители Дайвьета видели в изменении самой структуры власти, замене «союза равных» на строгую вертикальную иерархию. В качестве уже готовой схемы была воспринята неоконфуцианская система недавнего противника — Китая, удовлетворявшая потребности создания устойчивой централизованной бюрократической феодальной деспотии, которая была в те времена идеалом формы правления для господствующего класса страны. Первые мероприятия, преследовавшие эту цель, были предприняты еще до окончательного изгнания Минов. Неоднократно объявлялись наборы бывших гражданских чиновников и просто людей, умевших читать, писать и считать, с тем чтобы немедленно приступить к формированию аппарата (1427, 1429 гг.)⁶. В дальнейшем эти наборы были дополнены воссозданием

простейшей конкурсной системы (1434 г.)⁷ и восстановлением учреждений по подготовке кадров гражданских чиновников как в столице (школа Сынов отечества, 1433 г.)⁸, так и на местах.

Следует отметить, что неоконфуцианство возобладало далеко не сразу. Судя по хроникам, непосредственно после прихода к власти Поздних Ле по инерции, оставшейся от династии Чан, государство продолжало уделять определенное внимание буддизму. В частности, были проведены испытания буддийских священнослужителей для набора лиц, способных руководить приходами (1429 г.)⁹, монахам даровали деньги и подарки (1435 г.)¹⁰, на государственные средства строились буддийские пагоды (1434 г.)¹¹, в некоторых из них проводились официальные ритуалы от имени монарха или династии в целом, например, молитвы о ниспослании дождя во время засух (1434 г.)¹². Однако уже к середине XV в. сообщения о подобных фактах исчезают из хроник. Буддизм отдаляется от государства, и набирающие силу неоконфуцианцы стремятся низвести его до уровня суеверия, приверженность к которому пристойна разве что для женщин. Нарождающийся гражданский аппарат начинает препятствовать распространению буддизма. В частности, в 1461 году был наложен строгий запрет на строительство новых пагод¹³.

В отличие от буддизма, позиции неоконфуцианства с каждым днем крепились¹⁴. Уже в 1435 г. в стране учреждаются ежегодные ритуалы поклонения Конфуцию и, несмотря на существенные экономические трудности, за государственный счет печатаются тексты всех конфуцианских канонических книг¹⁵. В 1442 г. конкурсы на право претендовать на высшие чиновничьи должности приобретают упорядоченный многоступенчатый характер и начинают проводиться по правилам, заимствованным из Китая¹⁶. С 1463 г. устанавливаются единые сроки их проведения — один раз в три года¹⁷. Введение новой системы конкурсов послужило, как это, видимо, и планировалось, мощным толчком для развития системы неоконфуцианского образования в стране, а также литературы и книгопечатания. В ряде провинций Дайвьета, прежде всего в Киньбаке и Хайзыонге, появились целые династии потомственных чиновников-лауреатов конкурсов, из года в год поставлявших государству хорошо подготовленные в плане знания канонов кадры¹⁸. Создавались специальные частные школы, где бывшие или несостоявшиеся чиновники готовили кандидатов к экзаменационным испытаниям, причем многие из этих школ насчитывали несколько сот учеников и пользовались известностью по всей стране. Популярности образованию способствовало и то, что государство проявляло заботу о людях, готовившихся стать чиновниками, освобождая соискателей от трудовой повинности и некоторых налогов. Каждая конкретная община была заинтересована в подготовке из числа своих общинников лауреатов конкурсов, поскольку это впоследствии приносило ей конкретные экономические выгоды, поэтому нередко сама полностью освобождала образованную молодежь от любых физических работ и налогов (в этих случаях, правда, кандидату запрещалось участвовать в обработке и надела своей собственной семьи). Указанная политика династии способствовала тому, что к концу XV в. проблема кадров гражданских чиновников была решена. По количеству лауреатов конкурсов этот век истории Вьетнама не знает себе равных. Только победителей испытаний высшего уровня в период с 1442 по 1502 год насчитывается 706 человек (в среднем 39 человек на каждом конкурсе или 12 человек в год)¹⁹.

Параллельно с процессом организации системы подготовки и выдвижения кадров гражданских чиновников совершенствовалась и структура государственного аппарата. В начале правления династии Поздние Ле была сделана попытка

восстановить систему, существовавшую при династии Чан, которая отличалась, с одной стороны, относительной немногочисленностью чиновников, особенно на среднем и провинциальном уровне, а с другой — параллелизмом и нечеткостью распределения обязанностей и полномочий между ними. По своей сути эта система противоречила неоконфуцианским взглядам, требовавшим во всем абсолютной четкости, строгости и упорядоченности, поэтому, по мере формирования нового корпуса гражданских чиновников, она неизбежно должна была быть отвергнута. В качестве основы для организации нового аппарата были взяты нормы, существовавшие в Китае в период расцвета здесь неоконфуцианской идеологии — во времена правления династии Сун (960–1279). Они предусматривали строгое распределение власти, педантично расписывали функции каждого чиновника, устанавливали четкую иерархию, как в столице, так и в провинциях, как среди гражданских, так и среди военных. Их особенностью также было значительное увеличение количества чиновников на всех уровнях.

Попытка внедрения новой системы была предпринята еще в период восьмимесячного правления императора Ле Нги Зана (1459), который объявил о создании ее основы — шести министерств — и административно-территориальной реформе²⁰. Свергнувшие его сторонники Ле Ты Тханя (Ле Тхань-тонг, 1460–1497) тем не менее, продолжили эту линию, и уже к середине правления указанного императора новая структура власти в основном была сформирована²¹. Формально это вело к интеграции прежних военно-феодальных родов и их отдельных представителей в рамках единой для всех иерархии, однако на деле ситуация изменилась незначительно. Согласившись занять новые для себя должности, военные, тем не менее, сохранили во взаимоотношениях друг с другом и с государством во многом прежние приоритеты и шкалу ценностей, которые в значительно большей степени учитывали реальную силу рода, контролируемую им территорию, экономическое благосостояние и, как следствие, численность набираемых постоянных дружин, частично принявших в новой системе форму столичных гвардейских частей. Не удалось администрации Поздних Ле в XV в. реализовать и одну из главных идей неоконфуцианства — главенство гражданских чиновников по отношению к военным. Как это показано В.И. Антощенко²², даже формально военные имели преимущества при прохождении государственной службы, так как они уже на самых ранних этапах занимали должности выше, чем лауреаты дворцовых (высших) конкурсов. Кроме того, как показывают исследования биографий отдельных военачальников и их потомков²³, несмотря на отсутствие соответствующей официальной регламентации, должности, титулы, а главное, положение военных легко передавались по наследству, что и не удивительно, поскольку за этим стояла реальная сила соответствующих родов. У гражданских чиновников дела в этом плане обстояли значительно сложнее, так как даже дети самых высокопоставленных родителей, имевшие все возможности для получения соответствующего неоконфуцианского образования и пользовавшиеся явной, хотя и негласной поддержкой на конкурсных испытаниях, тем не менее, должны были начинать свою карьеру с относительно невысоких должностей, и случаи, когда они достигали того же положения при дворе, что и их родители, были достаточно редкими. Таким образом, создатели централизованного неоконфуцианского государства в Дайвьете в XV в. смогли добиться своих целей только частично. Несмотря на внешнее могущество и незыблемость центральной власти, реальная основа этого могущества была достаточно узка и сводилась к непосредственной опоре на несколько наиболее мощных военных родов при сохранении лояльных отношений с большинством других, а также личному авторитету императора, как результату успехов его внутренней и

внешней политики. Центральная власть, по-видимому, осознавала свою относительную слабость в этом отношении и предпринимала меры по изменению ситуации. В частности, уже в третьей четверти XV в. большинству потомков заслуженных военачальников времен борьбы против Минов было предписано отказаться от императорской фамилии Ле и вернуться в свои прежние роды²⁴. Периодически проводились репрессии против наиболее могущественных и богатых феодалов, само существование которых ставило или могло поставить под угрозу реальную власть династии, особенно при смене императора. Однако принципиальных изменений в сложившееся положение это не внесло. Более того, низвергнув или даже уничтожив отдельных представителей военных, династия впоследствии была вынуждена возвращать большинство отобранных прав и полномочий потомкам репрессированных, с тем чтобы не подорвать саму основу своего существования — поддержку большинства военно-феодалов родов. Правление Ле Ты Тханя считается «золотым веком» во вьетнамской средневековой истории. В этот период стране удалось не только подавить все очаги сепаратизма, но и значительно расширить свои территории путем ведения многочисленных победоносных войн против Чампы на юге и горских племен на северных и западных границах. Как уже указывалось выше, был сформирован многочисленный аппарат гражданских чиновников, велось невиданное ранее храмовое и дворцовое строительство, была введена новая стройная система налогообложения, рассчитанная, как это было показано Д.В.Деопиком, на нормы урожайных годов и ставящая крестьянские общины в большую зависимость от государства, в частности, от того, будут ли прощены недоимки в случае неурожая²⁵. Все это, с одной стороны, способствовало укреплению позиций центральной власти, казавшихся тогда незыблемыми, но с другой — легло тяжким бременем на основу вьетнамского общества — сельскохозяйственную общину, повлекло за собой обострение социально-экономических противоречий в стране. В этих условиях некоторые военно-феодаловые роды, считавшие себя обойденными при распределении государственных должностей, титулов и других благ, могли найти опору не только в своих фактически вотчинных землях, но и среди достаточно широких масс населения. Выступления военных в борьбе за власть, признаки которых отмечались на протяжении всего XV в., приобрели совершенно новый характер. Если раньше они выливались в заговоры или попытки дворцовых переворотов, то в первой четверти XVI в. их сменили гражданские войны. Это было обусловлено и тем, что в процессе победоносных войн против Чампы и горцев количество военно-феодаловых родов выросло, и они стали базироваться не только в основном в отдаленных провинциях Тханьхоа и Нгеан (в дальнейшем — Тханьнге), но и в провинциях дельты Красной реки, причем последние находились в дискриминируемом положении и могли представить наибольшую опасность для центральной власти.

Правления Ле Ты Тханя, его сына Ле Танга (Ле Хиен-тонг, 1497–1504) и его внука Ле Тхуана (Ле Тук-тонг, 1504) прошли без серьезных внутренних потрясений. Однако уже в период пребывания у власти следующего императора Ле Туана (Уимукде, 1505–1509) при дворе возобладала группировка, представлявшая интересы военных родов дельты Красной реки. Начались расправы над многочисленными родственниками императорской семьи, недовольными новыми порядками. Целые кланы, являвшиеся главной опорой династии при Ле Ты Тхане, были изгнаны из столицы в свои родовые имения в Тханьнге. Последовавший за этим в 1509 году поход «обиженных» из Тханьнге на столицу и свержение Ле Туана ознаменовали собой начало серии гражданских войн, основным содержанием которых стала ожесточенная борьба за власть отдельных военных родов и группировок, проходившая с переменным

успехом. С нашей точки зрения, именно в рамках этих войн следует рассматривать и движение Чан Као из провинции Хайзыонг под лозунгом восстановления династии Чан, которое некоторые историки склонны считать чисто крестьянским восстанием, обусловленным сложной экономической обстановкой в стране.

В результате этих многочисленных войн Дайвьет в XVI в. оказался раздробленным на отдельные княжества, которые вели между собой ожесточенную борьбу. Столицу и дельту Красной реки стал контролировать род Мак из уезда Нгизыонг (провинция Хайзыонг), объявивший себя новой династией. Южнее, в провинциях Тханьхоа и Нгеан, укрепился род Чинь из уезда Виньфук (провинция Тханьхоа), выступавший от имени «законной династии Поздних Ле» и тщательно сохранявший на престоле потомков этой династии, которые, впрочем, в дальнейшем вплоть до XVIII века не играли серьезной роли в политической жизни страны. Еще южнее в провинции Тхуанхоа, а затем и Куангнам господствовал род Нгуен из уезда Тонгшон (Тханьхоа). Большой вес в то время также имели фактически самостоятельные род Ву, укрепившийся в провинции Туенкуанг, и род Данг, обосновавшийся в Хынгхоа.

Созданный при Ле Ты Тхане громоздкий гражданский аппарат в период тяжелых социальных потрясений и внутренних войн начала XVI в. продемонстрировал свою неспособность активно вмешиваться в политические события в стране в подобных условиях. Отдельные чиновники, пытавшиеся иметь и отстаивать свои позиции, в ходе переворотов и войн, как правило, подвергались репрессиям, оставшиеся покорно подчинялись тем силам, которые брали под свой контроль столицу или ту или иную провинцию. Нашумевший отказ группы сановников в 1527 г. признать власть династии Мак явно носил исключительный характер и лишь подтверждал общее правило, тем более что не подчинившиеся составили мизерный процент от общего числа функционировавших в то время чиновников, которые в массе своей спокойно отнеслись к приходу новых правителей.

Маки, основным лозунгом которых было воссоздание порядков «золотого века» периода правления Ле Ты Тханя, в области административного аппарата полностью вернулись к нормам второй половины XV в., продолжили регулярное проведение конфуцианских конкурсных испытаний, пополнили поредевшие во время войн ряды гражданских чиновников. Также были восстановлены и существовавшие ранее армейские структуры, правда, на этот раз гвардейские части набирались не в Тханьнге, а формально по всей дельте (фактически в основном на родине Маков в провинции Хайзыонг).

Во владениях других группировок военные и административные структуры носили значительно более простой и неразветвленный характер. Несмотря на попытки придать своим аппаратам хотя бы внешнюю схожесть с системой управления, существовавшей при Ле Ты Тхане (особенно это касалось владений Чиней), реально эти княжества представляли собой опять те же союзы отдельных военных дружин, объединенные общностью целей и интересов. Как показало дальнейшее развитие событий, такая система в военном отношении оказалось более действенной. К концу XVI в. Чини в союзе с другими княжествами нанесли «классическому неоконфуцианскому» государству Маков жестокое поражение, и только активное вмешательство цинского Китая позволило им еще на несколько десятков лет укрепиться в отдаленной горной провинции Каобанг. Выполнив свою основную задачу и взяв под контроль наиболее населенную и экономически мощную часть страны, Чини не остановились на этом. Они поставили перед собой цель объединить все государство. Главным препятствием на пути к этой цели было существовавшее на

крайнем юге княжество Нгуенов, и первые две трети XVII в. прошли под знаком ожесточенной борьбы между этими двумя вьетскими государственными образованиями. Несмотря на значительный перевес, чиньские войска так и не сумели добиться военной победы над южанами, чья хорошо организованная армия смогла не только наладить прочную оборону, но и нанести ряд чувствительных ударов превосходящим силам противника. После неудачи наиболее подготовленного и мощного наступления 1672 г. Чини надолго отказались от попыток присоединить к себе владения Нгуенов, сконцентрировавшись на решении проблем северной части страны. Прежде всего, они ликвидировали остатки существовавшей здесь раздробленности, уже к концу XVII века окончательно разгромив Маков в Каобанге и покончив с относительным суверенитетом рода Ву в Туенкуанге (самостоятельность рода Данг в Хынгхоа была упразднена еще раньше).

Весьма своеобразной была ситуация с гражданским аппаратом во владениях Чиней в XVI–XVIII вв. Как уже указывалось выше, в период контроля Чиней лишь над Тханьнге этот аппарат был немногочислен и в основном обслуживал императорский двор, выполняя сакральные и некоторые другие функции, весьма далекие от реальных политических дел группировки. Несмотря на то, что по предполагаемой структуре он ничем не отличался от аппарата, существовавшего при Ле Ты Тхане, характер его был совершенно иным, так как чиновники, формально занимавшие те или иные должности, зачастую не осуществляли конкретной деятельности, которую предполагала эта должность. Новое назначение чиновника лишь изменяло его место в иерархии аппарата. Многие важные посты в нем, в частности, посты министров и руководителей важнейших ведомств, десятилетиями оставались вакантными и, наоборот, отмечены случаи, когда одна и та же конкретная должность предоставлялась сразу двум лицам. Испытывая острый дефицит конфуциански образованных людей и стремясь привлечь на свою сторону гражданских чиновников с севера, Чини признавали лауреатские звания, полученные при дворе Маков, и, как правило, сохраняли за перебежчиками их прежние посты, даже если в их аппарате они уже были заняты, что лишний раз свидетельствует о чисто иерархическом характере многих назначений²⁶.

В конце XVI в. после завоевания столицы и дельты Красной реки Чини столкнулись с проблемами создания гражданской системы власти на качественно новом уровне в условиях, когда на их сторону перешел практически весь громоздкий и малоэффективный чиновничий аппарат, оставшийся от Маков. Прокламмирование Чинями лозунга восстановления порядков времен Ле Ты Тханя, который совпадал с позицией по этому вопросу изгнанных Маков, требовало от новых властителей сохранения существующих структур, однако они понимали их непригодность к оперативному решению сложных внутри- и внешнеполитических вопросов, а также недостаточную надежность и преданность, поскольку абсолютное большинство вьетнамских чиновников на протяжении всего рассматриваемого периода были уроженцами северного Вьетнама, прежде всего провинций Киньбак и Хайзыонг, к которым военные феодалы из Тханьнге относились с недоверием. Выход был найден в традиционном для дома Чинь стиле. Прежний гражданский аппарат был сохранен в неизменном виде, регулярно пополняясь за счет победителей конфуцианских конкурсов, однако новые правители лишили его возможностей принимать решения по важным вопросам, оставив за ним лишь исполнительские функции, которые не позволяли оказывать активное влияние на ситуацию в государстве. Общие направления политики стал определять созданный в 1600–1619 гг. (точная дата неизвестна) совершенно новый орган – «пять фу» (по количеству рангов входивших в него вельмож), *фулиеу* или *футюа* (в дальнейшем — правительство). Возглавлял его

лично *тьюа* — правитель из дома Чинь. Первые три ступени в этом органе (*тыюнгфушы*, *куенфушы* и *тхыфушы*) всегда занимали высокопоставленные военачальники (нередко также из семьи *тьюа*), которые не принимали непосредственного участия в выработке политических решений, но следили, чтобы проводимая политика отвечала интересам военных кланов. Две последние ступени (*тхамтунг* и *бойтунг*) предназначались для собственно гражданских чиновников, отбираемых *тьюа* и военными с особой тщательностью, которые и были призваны предлагать конкретные политические мероприятия. Во все периоды своего существования правительство было немногочисленным по составу (по 1–3 человека на первых четырех ступенях и 4–7 на последней), но весьма гибким, легко контролируемым и управляемым органом. При этом участие в нем того или иного чиновника лишь косвенным образом влияло на его место в иерархии, поскольку каждый из *тхамтунгов* и *бойтунгов* в обязательном порядке имел пост в старом аппарате при дворе Поздних Ле, и, поощряя его за те или иные заслуги, *тьюа* Чинь продвигал его именно по тем «старым» должностям, от которых в первую очередь зависели его материальное благосостояние и предоставляемые конкретные почести. Зафиксированы многочисленные случаи, когда среди *бойтунгов* появлялись лица, занимавшие относительно невысокие посты в официальном табеле о рангах, причем далеко не всем из них в дальнейшем удалось сделать карьеру. И, наоборот, многие известные по хроникам чиновники, достигшие вершин «на службе династии Ле», к работе правительства никогда не привлекались.

Впоследствии Чиней, по-видимому, перестала удовлетворять деятельность традиционного гражданского аппарата и в плане исполнения принятых решений. В этой связи были созданы сначала три, а с 1718 г. шесть специализированных учреждений — *фиенов*, дублировавших соответствующие императорские министерства (Ритуалов, Назначений, Военного, Наказаний, Финансов и Общественных работ)²⁷. Эти *фиены*, в отличие от правительства, вошли в официальную структуру госаппарата Поздних Ле. По численности они были меньше министерств, возглавляли их чиновники, рангом значительно ниже министров, тем не менее, они стали играть главную роль в соответствующих специализированных областях государственной деятельности, окончательно оставив не у дел чиновников императорских министерств. В дальнейшем вплоть до окончательного падения дома Чинь в 1788 г. структура гражданского аппарата в их владениях существенных изменений не претерпела.

Перемены произошли и в военной организации во владениях Чиней. Потребности активной борьбы против других группировок, существовавших в Дайвьете, требовали от правителей Тханглонга (столицы Дайвьета) набора крупных армий, которые не могли рекрутироваться только в Тханьнге. В то же время, наученные горьким опытом династии Поздние Ле, Чини опасались появления самостоятельных военных структур в дельте Красной реки, которые неизбежно составили бы оппозицию тханьнгесской знати, как это уже было в начале XVI в. С учетом этого, восстановив регулярную гвардию, набираемую в Тханьнге, они дополнили ее нерегулярными войсками равнинных районов севера, в которых несли службу обычные крестьяне призывных возрастов, поочередно сменяя друг друга. Указанные армии собирались в полном составе только на время крупных военных экспедиций, носивших в этой связи ярко выраженный сезонный характер: подобные войска были действительно боеспособны лишь непродолжительное время до начала сезонов интенсивных сельскохозяйственных работ (сев, жатва), что во многом определяло время начала компаний, а также тактику и стратегию, причем не только самих Чиней, но и их противников, в частности, Нгуенов. Подобная организация

армий провинций дельты Красной реки, которые к тому же, как правило, находились под командованием тех же выходцев из Тханьнге, препятствовала созданию здесь альтернативных военных родов, которые могли бы составить конкуренцию властвующей группировке. Впрочем, в отдельных случаях Чини были вынуждены отступить от этих принципов. Так, с тем чтобы замирить провинцию Хайзыонг, феодалы которой постоянно восставали против власти Тханглонга в борьбе за утраченные с падением Маков привилегии, Чини во второй половине XVII века пошли на возвышение здесь альтернативного Макам военного рода Динь из уезда Камзянг в лице их лидера Динь Ван Та и предоставление ему и его роду широких военных полномочий в обмен на безусловную преданность²⁸.

Соотношение между реальной ролью военных и гражданских чиновников в управлении чиньскими владениями на протяжении XVII–XVIII вв. существенно менялось. В течение первых двух третей XVII в. военные, безусловно, доминировали. Именно под их давлением организовывались все новые и новые походы на юг, хотя возможность присоединения княжества Нгуенов военным путем с самого начала выглядела весьма проблематичной. Не без влияния военных ведущие роли в правительстве Чиней играли гражданские чиновники, выступавшие за продолжение боевых действий на юге и зачастую активно участвовавшие в них в качестве «стратегов» (*тхаммы*). Некоторые из них, например, *тхамтунг* Ву Зуи Ты, даже не имели серьезного конфуцианского образования и формально никак не могли претендовать на столь высокие посты, но все же назначались на них в угоду военным. В этих условиях *тюа* Чинь Так (1657–1682), сознавая отсутствие у него права решающего голоса по многим кардинальным вопросам, попытался ограничить власть своего армейского окружения испытанным еще при Ле Ты Тхане методом — путем усиления позиций гражданского правительства. Сразу после последнего неудачного похода на юг в 1672 г. он решительно пошел на удаление из гражданского руководства проармейски настроенных элементов и некоторое ограничение прав и полномочий самих военных кругов. Указанные мероприятия немедленно привели к открытому бунту столичной гвардии (1674 г.). Главный вдохновитель нововведений Нгуен Куок Кхой был убит, второй — Фам Конг Чы — лишился всего имущества и едва уцелел сам²⁹. Чтобы сохранить власть своего рода, Чинь Так был вынужден уже при жизни передать большинство своих полномочий своему сыну Чинь Кану (официально правил с 1682 по 1709 год), возглавлявшему последний поход на юг и пользовавшемуся большим авторитетом у военных, а также возвратив на руководящие посты в гражданском аппарате уволенных «стратегов»³⁰.

Чинь Кан продолжил политику отца, направленную на усиление гражданского фактора в государстве, но проводил ее более осторожно и гибко. Реорганизацию аппарата он предварил серией раздач новых должностей, титулов и привилегий армейской верхушке³¹, строго следил за удовлетворением всех потребностей, в том числе и материальных, столичной гвардии, в своей политике стремился не затрагивать непосредственных интересов военных родов из Тханьнге. В этих условиях военные круги достаточно спокойно восприняли повторное, на этот раз окончательное удаление от власти «стратегов»³², прекращение войн с Нгуенами, а также переход большинства полномочий, не связанных с деятельностью армии, в руки гражданских чиновников. Примерно в это же время на политическую арену в качестве самостоятельной силы вышли дворцовые евнухи, которые все чаще стали вмешиваться в политическую жизнь страны, причем и в военную сферу. Попытки воспрепятствовать постепенному расширению полномочий гражданских чиновников и евнухов предпринимались лишь отдельными представителями военных (чаще всего

непосредственно из рода *тьюа* Чинь). Они носили характер заговоров узкого круга лиц и достаточно легко пресекались.

В целом деятельность Чинь Кана в историографии принято оценивать не слишком высоко, поскольку его немногочисленные и нередко противоречивые мероприятия, кажущиеся весьма далекими от реальных проблем, стоявших перед страной, не производят особого впечатления, особенно на фоне активных и целенаправленных реформ его преемника Чинь Кыонга (1709–1729). Между тем внимательное изучение политики Чинь Кана позволяет сделать вывод о том, что за ней скрываются вполне четкая и однозначная линия на невмешательство в естественные процессы в обществе, отсутствие догматизма и приверженности к силовым методам, спокойное восприятие новых форм и явлений, возникающих в процессе социально-экономического развития страны. Принятое в 1669 г. накануне его фактического прихода к власти постоянное налогообложение вьетнамских общин, подтвержденное затем в 90-е годы, существенно облегчило жизнь зажиточным общинникам и богатым общинам в целом. Чинь Кан не принимал мер (особенно на начальном этапе своего правления) по ограничению негласного частного землевладения в рамках общин и созданию помещичьих усадеб вне их рамок, гибко реагировал на обострения обстановки в стране в связи со стихийными бедствиями, воздерживался от ведения масштабных войн и крупного строительства. В годы его пребывания у власти был принят ряд мер, направленных на ограничение злоупотреблений со стороны чиновников и облегчение жизни крестьян, в частности, проведена серия усовершенствований судебных процедур. Все это способствовало явному экономическому расцвету во владениях Чиней на рубеже XVII и XVIII вв., сопоставимому с «золотым веком» Ле Ты Тханя. Данный факт вскользь отмечается некоторыми вьетнамскими хрониками³³, однако в современной исторической литературе он остался практически незамеченным. Между тем, как показывает статистическое исследование вьетнамской эпиграфики³⁴, период с 1695 по 1710 гг. являлся одним из наиболее благополучных в истории страны.

Правнук и преемник Чинь Кана — Чинь Кыонг, фактически пришедший к власти еще при жизни прадеда в 1707 г. восемнадцати лет от роду, в отличие от своего предшественника был активным реформатором и сторонником максимального влияния со стороны правительства на ситуацию в стране. Будучи энергичным и целеустремленным человеком, новый *тьюа* не только предлагал конкретные мероприятия в самых различных областях, но и стремился добиться их безусловного выполнения³⁵. В первой серии реформ (1711 г.) он вознамерился «скорректировать искажения и ошибки», накопившиеся в обществе после «золотого века» Ле Ты Тханя и воссоздать его основу — сельскохозяйственную общину — в том виде, в котором она существовала (вернее, какой она ему виделась) двести лет назад. Была сделана попытка вновь ввести контролируемые государством регулярные переделы земель и резко ограничить частное землевладение. Указанные мероприятия не учитывали реальной ситуации, сложившейся во вьетнамской деревне в начале XVIII в., и, несмотря на все усилия центральной власти, провалились, вызвав лишь повышение социальной напряженности и, по всей вероятности, став наряду со стихийными бедствиями одной из косвенных причин катастрофического голода 1712–1713 годов. Но это не остановило Чинь Кыонга. В проведенных в 1721–1725 годах реформах он изменил свой курс: отменил постоянное налогообложение, признал, но обложил налогами частные земли помещиков, существовавших в рамках общин, и повел решительную борьбу с поместным землевладением вне рамок общин. Указанные меры не могли не

вызвать отрицательной реакции зажиточных слоев населения вьетнамского общества и никак не способствовали его внутренней стабильности.

Чинь Кьонг занимался активными реформами и в административной сфере. Помимо уже упомянутого выше введения шести новых государственных органов — *фиенов* он в рамках продолжения политики своих предшественников Чинь Така и Чинь Кана предпринял ряд мер, с целью еще больше укрепить позиции гражданских чиновников. При этом Чинь Кьонг в значительно меньшей степени учитывал интересы главной опоры дома Чинь — военных родов из Тханьнге. Так, с 1721 г. регулярные части стали набираться не только в Тханьнге, но и в провинциях дельты Красной реки. В этом же году были введены экзамены, аналогичные гражданским конкурсам, на право занимать высокие военные должности. Их абсолютными победителями (*таоши*) могли стать только те лица, которые помимо сдачи норм по специфическим армейским дисциплинам были в состоянии написать сочинение на военную тему³⁶. Это могло поставить под сомнение негласное право на передачу по наследству должностей в армии для существенной части военных чиновников, большинство из которых с конфуцианской точки зрения были малограмотными. Наконец, в 1726 г. Чинь Кьонг покусился на самую важную привилегию военных из Тханьнге — на право иметь свои собственные дружины, призвав к их немедленному роспуску.

Оценивая в целом результаты активной реформаторской деятельности Чинь Кьонга, следует признать, что она вольно или невольно способствовала существенному повышению напряженности в дайвьетском обществе, недовольству широких слоев населения, сужению социальной базы центральной власти. Тем не менее, реальный потенциал этой власти, заложенный в течение предыдущих десятилетий, был достаточно высок, и вплоть до конца своего правления Чинь Кьонг вполне контролировал ситуацию в стране. Его преемник Чинь Зянг (1729–1740) не почувствовал надвигающегося кризиса, более того, значительно приблизил его. Резкое повышение государственных расходов при этом правителе, широкое дворцовое и храмовое строительство, фактический разрыв не только с военными родами, но и с лидерами гражданских чиновников, проводившими реформы при Чинь Кьонге, и их замена дворцовыми евнухами — все это резко обострило положение и, в конце концов, привело к социальному взрыву 40-х годов XVIII в. Замена Чинь Зянга его младшим братом Чинь Зоанем (1740–1767), за спиной которого стояли военные не только из Тханьнге, но и из провинций дельты, и отстранение в 1740 г. евнухов создали лишь предпосылки для решения накопившихся проблем, занявшего больше десятилетия.

В исторической литературе начавшиеся в 40-х гг. гражданские войны принято считать восстаниями крестьян, доведенных до отчаяния нищетой и голодом. Как представляется автору данной статьи, это не совсем так. Эпиграфические исследования³⁷ показывают, что Вьетнам в конце 30-х годов в экономическом отношении находился в относительно благополучном положении по сравнению, например, с неурожайными 1712–1713 гг., когда от голода и болезней умерли тысячи людей. Экономический спад 40–50-х годов выглядит скорее следствием, чем причиной гражданских войн. Крестьянские голодные бунты во Вьетнаме, как правило, были непродолжительными и плохо организованными. Во всяком случае, они не могли длиться более десяти лет. Социальный состав восставших существенно отличался от социального состава, например, участников крестьянского восстания *тайшонов* (1771–1802) в южном Вьетнаме, особенно на его начальной стадии. Так, в их отрядах были широко представлены, причем на ведущих позициях, обеспеченные слои населения

провинций дельты Красной реки. Уже на первых этапах в выступления против центральной власти включились целые группы общин в полном составе, что в условиях Дайвьета характерно в первую очередь для феодальных мятежей. В процессе боевых действий и в конечных целях восставших четко прослеживаются местнические тенденции, стремление создать собственные государственные образования на вполне конкретных территориях, в целом совпадающих с территорией одной из равнинных провинций дельты. Крупные региональные отряды восставших редко вступали в союзы между собой, что могло бы сыграть решающую роль в противостоянии центральной власти, сфера действий этих отрядов в географическом отношении была достаточно узкой, и лишь поражения могли заставить их уйти со своих «исконных» территорий. Обращает на себя внимание и тот факт, что ни одно из многочисленных движений на севере страны в середине XVIII в., за исключением восстания в Тханьхоа под руководством представителя императорской семьи Ле Зуи Мата, не проходило под вполне очевидным, политически популярным и понятным для всех лозунгом восстановления реальной власти династии Поздние Ле, который мог стать важной консолидирующей идеей, способной сплотить значительную часть крестьян из самых различных уголков страны (позднее этот лозунг был принят *тайшонами*). Руководители антиправительственных отрядов предпочитали действовать от своего собственного имени и при удобном случае немедленно объявляли себя либо князьями (*куоквьонгами*), либо даже императорами. Все сказанное выше позволяет предположить, что, несмотря на ведущую роль, которую, безусловно, играли собственно крестьяне в этих войнах, хотя бы потому, что они составляли подавляющее большинство населения страны, по своей сути указанные движения скорей всего носили не столько классовый характер, сколько отражали противоречия внутри господствующего класса (в основном его средних слоев), прежде всего между отстраненными от реальной власти представителями средних и высших слоев дельты с одной стороны, и длительное время занимавшими ключевые позиции в государстве их оппонентами из более южных районов (Тханьнге), с другой. Об этом свидетельствует и тот факт, что местные гарнизоны в центрах выступлений, состоявшие из местных же солдат, фактически не оказали на начальном этапе серьезного сопротивления восставшим.

Регулярная гвардия Тханглонга в военном отношении, несомненно, превосходила «мятежников», однако последние были многочисленнее, кроме того, выступления начались почти одновременно в целом ряде районов. В течение первых лет войн середины XVIII в. Чини терпели поражения, и только неумение восставших вести согласованные военные действия спасло *тюа* от быстрого краха. Стало совершенно очевидным, что только силами гвардии, состоявшей из южан, ситуацию изменить не удастся. Более того, ее активность в плане подавления выступлений рассматривалась местным населением чуть ли не как иностранное вторжение и лишь подливало масло в огонь разгорающихся войн. В этих условиях Чини нашли единственно возможное решение — оперлись на немногочисленные верные им роды в провинциях дельты, начавшие складываться после реформы Чинь Кыонга 1721 г., и переложили на их плечи основную часть борьбы против «мятежников». Но одновременно власти были вынуждены предоставить им невиданные ранее полномочия, фактически закрыть глаза на формирование в дельте Красной реки самостоятельных военных группировок, которые по силе ничуть не уступали группировкам из Тханьнге. Процесс этот проходил неоднозначно, болезненно и занял не один год. Тем не менее, он дал нужные Чиням результаты: к первой половине 50-х гг. XVIII в. основные очаги восстаний в равнинных районах были ликвидированы.

Северодайвьетское княжество вышло из этих войн значительно более мощным в военном отношении. Отряды регулярных гвардейских войск из Тханьнге отныне дополнялись не менее опытными и обученными регулярными войсками военных родов дельты, окончательно заменившими прежние «сезонные армии». Указанное обстоятельство во многом способствовало тому, что в 1774 г. северянам удалось реализовать мечту многих поколений правителей из дома Чинь — отобрать у Нгуенов, которые, впрочем, были серьезно ослаблены крестьянским восстанием *тайшонов*, основную часть занимаемой ими территории в центральном Вьетнаме, включая столицу их владений город Фусуан. В то же время, новая расстановка сил внутри самого княжества Чиней делало его могущество достаточно эфемерным. Появление на исторической арене новых военных родов, базировавшихся в дельте, их претензии на достойное место у кормила власти, которые основывались на реальной экономической и военной мощи, не могли не породить, острого соперничества, сепаратистских тенденций, стремлений добиться максимальной автономии. Напряженность возрастала также и в связи с тем, что представители старых военных родов из Тханьнге и их сторонники, составлявшие столичную гвардию, все больше выражали недовольство фактической ликвидацией их исключительных позиций и привилегий в обществе. Пока у власти находились многоопытные Чинь Зоань и Чинь Шам (1767–1782), обладавшие исключительным авторитетом в связи с подавлением восстаний и победой над Нгуенами и умевшие ловко лавировать в сложившейся ситуации, указанные противоречия носили в основном скрытый характер. Однако сразу после смерти Чинь Шама гвардейские столичные формирования подняли мятеж, свергли малолетнего наследника Чинь Шама — Чинь Кана (1782) и сторонников покойного правителя, собиравшихся проводить ту же политику лавирования, и выдвинули своего собственного ставленника Чинь Кхая (1782–1786), который по их плану должен был вернуть привилегии военной аристократии из Тханьнге. Однако ситуация в стране была уже совершенно иной. Военные роды провинций дельты категорически воспротивились подобному обороту дел, и страна фактически распалась на отдельные владения, большинство из которых лишь формально подчинялось центральной власти. Хотя до крупных столкновений между ними дело так и не дошло, княжество Чиней существенно ослабло и оказалось неспособным к сопротивлению угрозе с юга со стороны созданного здесь на волне крестьянского восстания *тайшонов* нового государственного образования. Это послужило причиной тому, что поход на север в 1786 г. относительно небольшой армии во главе с будущим императором Нгуен Хуэ (1788–1792) с в общем-то локальными задачами привел к неожиданно быстрому падению Чиней. Серьезное сопротивление было оказано *тайшонам* лишь на южных границах владений Чиней, где на недавно отвоеванных у Нгуенов землях был расквартирован экспедиционный корпус из провинций дельты Красной реки. Отдельные военные группировки северных районов при отсутствии сильной центральной власти так и не смогли договориться между собой и были без особого труда последовательно одна за другой разгромлены в течении менее чем одного года. *Тайшоны*, сами оказавшиеся неготовыми к подобному успеху, вскоре оставили большую часть захваченных территорий, формально предоставив их императору династии Поздние Ле, однако уже через два года они, вновь не встретив серьезного сопротивления, ликвидировали власть *тюа* Чинь и императоров Ле, которым не смогла помочь даже спешно направленная сюда в 1788 г. армия цинского Китая.

Потрясения и войны XVIII в. еще раз продемонстрировали беспомощность в условиях активных военных действий гражданского аппарата, который, как и в XVI в., фактически не смог сыграть сколько-нибудь заметной самостоятельной роли в

политических событиях в стране. По-прежнему главной задачей его представителей было вовремя определить сильного и встать на его сторону. Те из них, кто ошибался, дорого платили за свои ошибки. Так, во время войн 40–50-х гг. некоторые гражданские чиновники встали на сторону восставших и подверглись репрессиям после подавления выступлений. Другие присоединились к последнему императору династии Поздние Ле — Ле Зуи Ки (1787–1788), эмигрировавшему в Китай. Однако большая часть представителей гражданского аппарата, как правило, не проявляла активности в политической жизни, безропотно подчиняясь власти тех сил, которые контролировали ситуацию в столице, будь то Чини, *тайшоны* или даже цинские завоеватели, временно оккупировавшие Тханглонг в 1789 г. Во всяком случае, во вновь созданном государстве *тайшонов* (его исследование выходит за рамки данной статьи) административный гражданский аппарат практически полностью состоял из чиновников бывшего чиньского княжества, причем основная масса их, как это бывало и раньше, сохранила свои прежние посты. Лидеры военных группировок, кого бы они не представляли, четко осознавали отсутствие серьезной опасности своим интересам со стороны гражданского аппарата, поэтому во все времена относились к нему достаточно снисходительно. Так, если представители побежденных военных кланов подлежали, как правило, безусловному и немедленному уничтожению (за исключением некоторых добровольно капитулировавших), то гражданские чиновники за редким исключением (открытое выступление против новых властей) не подвергались преследованиям. Более того, тех из них, кто не хотел продолжать службу при новом режиме и находил для этого благовидные предлоги, отпускали из столицы и позволяли им жить, как они того захотят. Находившиеся у власти военные роды всегда знали, что угроза их положению может исходить только от таких же военных родов. История Вьетнама XV–XVIII вв. не знала случаев, когда серьезная и опасная оппозиция формировалась бы только гражданскими чиновниками.

¹ *Nguyễn Cảnh thị*. Hoan châu ký. Hà Nội, 1988.

² *Hàm Giang Đình tộc sinh vương hạnh trạng thực lục*. Thư viện Viện nghiên cứu Hán Nôm. Рукопись А.2982.

³ *Федорин А. Л.* Особенности вьетнамской эпиграфики и некоторые проблемы ее изучения как исторического источника. — История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Т.2. М., 1986, с. 353–361; *Федорин А. Л.* Методика и некоторые результаты статистического анализа данных эпиграфики Вьетнама при изучении социально-политической истории // Количественные методы в изучении истории стран Востока. М., 1986, с. 52–79; *Федорин А. Л.* Экзаменационная эпиграфика во Вьетнаме в XV–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Сер.13. Востоковедение. 1992. № 3, с. 35–39; *Phê-đô-rin A.L.* Hệ phương pháp và một vài kết quả phân tích thống kê tư liệu văn bia Việt Nam khi nghiên cứu lịch sử chính trị, xã hội // Tạp chí Hán Nôm (*Федорин А. Л.* Методика и некоторые результаты статистического анализа материалов вьетнамской эпиграфики для изучения политической и социальной истории // Журнал иероглифической письменности, г.Ханой). 1992. № 2 (13), с.12–31; *Федорин А.Л.* Вьетнамская эпиграфика как исторический источник по периоду позднего средневековья и нового времени. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторической наук. М., 1993. 21 с.; *Phê-đô-rin A.L.* Bia tiền sử ở Việt Nam thế kỷ XV–XVIII // Tạp chí khoa học xã hội (*Федорин А. Л.* Экзаменационные стелы во Вьетнаме в XV–XVIII вв. // Журнал социальных наук, г.Хошимин). 1994. № 2 (20), с.160–165; *Федорин А.Л.* Из опыта создания базы данных по эпиграфике Вьетнама. — Международная конференция «Памятники духовной, материальной и письменной

культуры древнего и средневекового Востока (создание баз данных). 30 мая — 4 июня 1995 года. Тезисы докладов. М., 1995, с. 76; Федорин А. Л. Из опыта создания базы данных по эпиграфике Вьетнама: особенности вьетнамской эпиграфики; периодизация истории Вьетнама XV–XVIII вв. на основании данных эпиграфики // Базы данных по истории Евразии в средние века. Выпуск 4–5. М., 1997, с. 128–169.

⁴ Дайвьет: самоназвание Вьетнама с 1010 по 1802 год (с перерывами).

⁵ Здесь и далее все императоры Дайвьета названы своими собственными («табуированными») именами. В скобках приводятся их храмовые имена и период правления.

⁶ Đại Việt sử ký toàn thư (в дальнейшем — ĐVSKTT). Т.3. Н., 1972, с.34, 35, 38, 72.

⁷ ĐVSKTT. Т.3, с.81, 82, 91.

⁸ ĐVSKTT. Т.3, с.76.

⁹ ĐVSKTT. Т.3, с.74.

¹⁰ ĐVSKTT. Т.3, с.90, 106.

¹¹ ĐVSKTT. Т.3, с.88.

¹² ĐVSKTT. Т.3, с.85

¹³ ĐVSKTT. Т.3, с.180.

¹⁴ Подробно о соотношении буддийской и конфуцианской идеологии при Поздних Ле см.: Nguyễn Duy Hinh. Hệ tư tưởng Lê // Nghiên cứu lịch sử. 1986. № 6 (231), с.42–52.

¹⁵ ĐVSKTT. Т.3, с.100, 111.

¹⁶ ĐVSKTT. Т.3, с.130.

¹⁷ ĐVSKTT. Т.3, с.185.

¹⁸ Никитин А. В., Федорин А. Л. О роли феодальных родов в истории Вьетнама (к постановке проблемы) // Социальные группы традиционных обществ Востока. Т.1. М., 1985, с.115–124.

¹⁹ Подсчеты сделаны по данным: Đại Việt lịch triều đăng khoa lục. Т.1. S., 1963.

²⁰ ĐVSKTT. Т.3, с.174.

²¹ Подробно изложение структуры власти в XV веке и позднее см. Lê Kim Ngân. Tổ chức chính quyền trung ương dưới triều Lê Thanh-tông (1460–1497). Sài Gòn, 1963.; Антощенко В. А. Система должностей и титулов во Вьетнаме в XV–XVIII вв. — Вестник Московского университета. Серия «Востоковедение». 1990. № 1, с. 32–43; Федорин А. Л. Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI веке. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. I. М., 1985, с.146–164.

²² Антощенко В. А. Система должностей и титулов во Вьетнаме в XV–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия «Востоковедение». 1990. № 1, с.42.

²³ См. примеч. 1.

²⁴ ĐVSKTT. Т.3, с.190.

²⁵ Деоник Д. В. Феодальный Вьетнам в середине XVII — середине XVIII вв. // Новая история Вьетнама. М., 1980, с.19–20.

²⁶ О превращении большинства гражданских и военных должностей в чисто иерархические во владениях Чиней в XVI в. см. Федорин А. Л. Особенности развития гражданской и военной должностной системы..., с.150 и следующие.

²⁷ Lịch triều tạp kỷ (в дальнейшем — ЛТТК). Т.1. Hà Nội, 1978, с.308.

²⁸ См. примеч. 2.

²⁹ Việt sử thông giám cương mục. Chính biên. Т.16. Hà Nội, 1960, с.31–32.

³⁰ ĐVSKTT. Т.4, с.331.

³¹ ĐVSKTT. Т.4, с.333.

---

³² ĐVSKTT. T.4, с. 334.

³³ LTTK. T.1, с.62.

³⁴ Федорин А. Л. Методика и некоторые результаты..., с.60.

³⁵ Подробное изложение реформ Чинь Кыонга см.: Деоник Д. В. Указ. соч., с.44 и последующие.

³⁶ Lê triều tạo sĩ đăng khoa lục. Thư viện Viện nghiên cứu Hán Nôm. Рукопись Vhv.1311, с.20a, 20b.

³⁷ Федорин А. Л. Методика и некоторые результаты..., с.61.